

КМС
СЧАСТЛИВЫЕ
МГНОВЕНИЯ
РАЗВЕДКИ

Камса Стихиеборцев

Счастливые мгновения разведки

«Издательство «Перо»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Стихиеборцев К.

Счастливые мгновения разведки / К. Стихиеборцев —
«Издательство «Перо», 2025

ISBN 978-5-00258-706-3

Все мы когда-то были детьми. И многие из нас хотели бы оставаться ими как можно дольше. А есть среди нас, к сожалению, те, кто никогда не имел детства с его радостями, традициями и сюрпризами. Ведь быть маленьким ещё совсем не значит пребывать в детстве. Потому что детство – это совокупность множества разных факторов, основным из которых является наличие родных и близких. Эта история про небольшую ячейку общества, созданную хоть и искусственно, но многим на зависть. И может быть она никогда и не существовала, и является только миражом в воспалённой фантазии автора, но пусть эти строки обогреют душу читателя теплом, которым был пронизан сочинитель, рисуя своих героев и события, в которых им пришлось оказаться.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00258-706-3

© Стихиеборцев К., 2025
© «Издательство «Перо», 2025

Камса Стихиеборцев

Счастливые мгновения разведки

© Камса Стихиеборцев, 2025

1.

Было немного за девять часов вечера, но мне не спалось. С соседней койки раздавалось тихое посапывание Кирилла, не успевшего улечься в кровать, как сразу же уснувшего. По двери комнаты едва уловимо бряцали волночки работающего в полтона в гостиной телевизора, и периодически слышались редкие восклицания родителей, риторически бросаемые в воздух по поводу сюжета новостной телепередачи. Зоя и Люся тоже ушли в свою комнату, когда на Первом пробило девять, потому что следующие сорок минут были бы слишком скучны для мира детей, не испорченного суровостью реалий большого мира.

Я был уверен, что в отличие от Люси Зоя тоже не спала. Слишком мало времени в течение дня оставалось ей для того, чтобы подумать да помечтать. Глупо это, конечно, но куда же молодой девушке без мечтаний. Наверняка вспоминала она в этот момент и мою непростительную нерасторопность. Наверняка до сих пор злится на меня и презирает. Не надо было ввязываться в разборку с этими молокососами из «А» класса. Ну стерпел бы этот пинок и всё. Кто я такой, чтобы чувствовать обиду за себя? Да, они заслуживали трепки, но не в этот день, и не в это время. Это было бы справедливо – наказать их. Но я должен быть выше своего самолюбия, когда на мне лежит ответственность за остальных. Если бы я стерпел и не отвлекся, старшак не подкараулил бы за углом школы Зою и не стянул бы с нее шапку. Я бы этого не позволил. Как бы не позволил и кинуть шапку в подвал заброшки.

Как они смеялись! Идиоты! Знали бы они, с каким трудом родителям дается одевать нас. Как нам приходится ценить то, во что нас одевают. А им смешно! И мне совсем не стыдно перед ними, что выбравшись из разбитой форточки подвала я был черным от грязи. Я и так черномазый от природы! Не стыдно мне было, что поставил очередную затяжку на куртке от куска стекляшки. Немного обидно за стариков, вот и всё. Стыдно перед Зоей. Как же она краснела...

Полнотелые хлопья снега медленно прорезали блеклый шар фонаря, оставляя о себе память только в пунктирах на иконостасе в углу комнаты.

Есть ли Бог? Если родители верят, значит наверняка есть. Очень хотелось бы, чтобы был. Как жаль, что дети не могут сильно верить. Тогда может было бы намного проще, и он даровал бы нам какую-никакую, а помощь. Вот Кирилл слабоумный, а значит не может верить. Поэтому только мы с Зоей и можем его защитить. То же самое и с Люсей. Она для таких дел еще слишком мала. Она и разговаривать то еще до конца не научилась... Хотя иногда такое выдает...

Но другое дело Старик и Людмила Петровна. Они умные. Поэтому с ними никогда ничего и не случается. А может и правду говорят, что Бог видит добро? А я знаю, что они добрые. Даже Старик. И то, что они заставляют нас убирать наши комнаты, мыть посуду и ходить в магазин, это говорит только об их старости... Это ж насколько они древние, если у них на днях пятьдесят лет свадьбы? Может Алексей приедет. Надо будет ему напомнить, чтобы поздравил.

Интересно, когда меня уже оставит этот надоедливый сон? Этот громкий голос той Женщины. Я давно не боюсь той последовавшей за смехом сцены, и я не чувствую обиды за кипиток, следы которого до сих пор горят на груди. Я не помню Её лица, только красные руки с набухшими от тяжести чайника венами. Громко и заторможенно пульсирующими. Я не чувствую ничего. Так почему же из раза в раз?

Кем могли бы быть родители ребят? Наверняка Зоины – военные. Возможно, он – летчик, а мать – телеграфистка. Зоя даже осанку держит как-то по особенному. А у Люси – наверняка кондитеры, слишком уж она падкая на конфеты. Ну в крайнем случае пекари. С Кириллом, конечно, сложнее. Но уж точно – это слабые, трусливые людишки.

Завтра нужно быть осторожнее, когда будем идти в школу...

2.

Девчонки бежали вверх по лестнице, громко смеясь над Кириллом, несущимся как тигр прыжками в полпролета и отмахивающимся руками в неестественно разных направлениях. Зоя периодически подкидывала Люсю на несколько ступенек вперёд, хватая ее сверху за обе руки. Та счастливо визжала. Я шел быстрым шагом позади всех, стараясь сдержать улыбку. Мне сегодня светил разговор.

Остановившись у нашей двери, Зоя сделала всем знак замолчать. Отец должен был в это время работать. Он очень не любил, когда ему мешали.

Тихо провернув ключ, сестра пропустила сначала Люсю, потом зашла сама, чтобы помочь Кириллу раздеться. Тот же, продолжая играть, вместо того, чтобы стать на свободное место на коврике, растянувшись леопардом практически в шпагат, попытался перешагнуть клочок суши из ботинок и, не рассчитав, шлепнулся на зад. Люся прыснула со смеху, Зоя покраснела от резкого прилива веселья. Девчачьему хохоту одноразово поддакнул «бюм» настольной лампы. Старик опять заснул над своими чертежами и от неожиданности ударился головой о светильник.

Отец вышел из нашей комнаты, днём играющей роль его кабинета, растирая огромное красное пятно на щеке, и, даже не смотря на нас, направился на кухню, бормоча себе под нос постоянно нами слышимое «каждый день одно и то же».

Подождав, пока Зоя переоденет в пижаму Кирилла и выйдет, я проделал те же действия с собой, скомкав и спрятав школьную форму под матрас. Все очень спешили – мы уже на несколько минут опаздывали на дневные мультики.

Старик пополдничал до жути вонючей квашеной капустой с хлебом и отправился обратно работать. Людмила Петровна в это время дня обычно уходила к соседкам. Поэтому как минимум три часа телевизор был в нашем распоряжении.

Я не очень любил мультфильмы. Мне они казались глупыми и ненужными. Но мне было приятно наблюдать за тем, какую радость они дарили ребятам. Ещё с детдома это было мое самое любимое время – время всеобщего перемирия.

Зоя лежала в обнимку с Люсей на диване у печи. Кирилл, обхватив ноги в коленях, сидел на другом конце. Я в эти периоды допускал себе непозволительную роскошь развалиться на кресле Старика.

В окно пробивались редкие лучики солнца, скрещивавшиеся на стеклах трюмо с телевизионными отблесками «Винни Пуха и его друзей» и приобретающие дополнительную фанта-

стичность на фоне узоров бесконечных сервизов Людмилы Петровны, которыми ещё никто и никогда не пользовался. Над чашками и пиалками гордо красовались разноцветные обложки «библиотеки приключений», смотрящие свысока на остальную утварь шкафа, явно не так почитаемую в этом доме.

Ненавистные рекламы воровали драгоценные минуты этих радостных мгновений. Жадность съедала несколько делений в шкале счастья, ибо по трем каналам одновременно шли равноценно интересные передачи и с сожалением приходилось выбирать что-то одно. У детства много врагов. Но если у детей зачастую и не бывает достаточной терпеливости в чем-то, то в упорстве стремления быть счастливыми и весёлыми им точно не занимать.

Так незаметно пролетал промежуток времени между возвращением домой из школы и вечерней прогулкой, спровоцированной шестичасовыми новостями. Вот слышен скрип в дверях, все насторожено прислушиваются. Людмила Петровна заходит в квартиру и начинает шелестеть конфетами в кармане. Это – условный знак, механизм которого работает как часы. Ребята срываются с места, врезаются в стены, стулья и тумбочки, уходят на мгновение в занос в соседнюю комнату, вновь выравнивают свой маршрут, накидываются на мать и начинают изощряться перед ней в максимальных по своей лживости подхалимствах, нередко используя поцелуи в качестве секретного оружия.

Но только лишь от любви! Все прекрасно знают, что и так получили бы свой трофей.

Я в эти секунды обычно перескакиваю на диван, на место по соседству с тем, где сидит Кирилл. Не то, чтобы я не знаю притягательную власть конфет, напротив, мне приятнее пожертвовать ею ради ребят. Ну а если не все угощения разберут, то мне и так, и так что-то да перепадёт.

Перед тем, как перепадёт что-то уже в более неприятной форме.

– Раульчик, держи, тут и тебе есть, – сказала мама, ещё в верхней одежде выглядывая из прихожей.

– Спасибо, я не хочу, – ответил я, разглядывая узоры на стене перед собой.

– Как знаешь, – несколько озадаченно проговорила Людмила Петровна.

Я сидел, затаив дыхание. Мой отказ от угощения был тайным преднамеренным сигналом, должным подсказать о какой-то провинности.

– Как в школе? – спросила родительница, зайдя в комнату, и не посмотрев в мою сторону, принялась поливать цветы на подоконнике.

– Всё в порядке.

Я упорно рассматривал, колупая ногтем, опухлое родимое пятно на левой лодыжке, выполняющей функцию гири, надёжно придавливающей полу халата к правой ноге. Где-то недалеко слышалось сопение девчонок, подсматривающих за сценой из коридора.

– Как контрольная по алгебре?

– Хорошо. Написал. В пятницу скажут.

– Надеюсь, ни с кем не дрался?

– Ни с кем.

– А что с коленом?

– С коленом?

– С коленом.

– Ничего.

В этот момент по отточенному за четыре года нашей совместной жизни навыку Людмила Петровна медленно поставила лейку на подоконник, вытерла руки о тряпку, вечно сушащуюся на батарее, развернулась ко мне лицом и беспристрастным тоном начала:

– Зачем ты меня обманываешь?

– Я не обманываю...

– Если ты меня не обманываешь, тогда покажи колено!

Голос ее был ровным и тихим, и оттого леденящим душу. Но я всё же рискнул, выкорячившись и выставив ей на обзор и так прекрасно видимое ею колено. Колено другой ноги.

И это конечно же не сыграло.

– Неси штаны!

И я с опущенной головой потащился в комнату за спрятанной в кровати школьной формой, уже не прикрывая счес под правой коленной чашечкой. Это уже не играло роли.

Мама встретила меня в коридоре, забрала вещи, внимательно осмотрев дырень на штанине, и бессловно закрылась в гостиной. Не расплакалась, и то хорошо. Это уже почти победа.

Через десять минут к ней зашёл отец и полтора часа мы их не видели. Только Зоя тайком забежала к ним на пару минут. Опять меня незаслуженно оправдывала.

Вечером все, кроме Старика, потащились на прогулку. Старый хитрец понимал, как и я, что каждый выход на улицу – лишний повод нажить проблем. Да и сложно уже было ему перестать смотреть телевизор, один раз начав. А вот женщин почему-то всегда тянуло на улицу. Видимо есть у них такая потребность – как можно чаще бывать на виду. И мне ничего не оставалось, как ходить с ними. Мало ли, вдруг у предполагаемого наблюдателя будут дурные мысли.

Я шел впереди, периодически оглядываясь на остальных, по давно установленному нами маршруту: вокруг дома и детского сада. Люся периодически обгоняла меня, как собачонка, осматривая каждое дерево и куст, ныряла в каждый более-менее порядочный сугроб и радостно возвращалась к Людмиле Петровне за одобрением. Ее пухлые щёчки постоянно выталкивали шапку на макушку, так, что мокрые светло-коричневые волосенки вырывались наружу и обвивали ей всё лицо. Борясь с этой проблемой, она то и дело совала перчатки себе в глаза и в рот, за что одобрения уже не получала. Кирилл шел за руку с мамой, молча, внимательно осматриваясь по сторонам. Чувствовалось, что он до конца не решил, что в нем в такие моменты перевешивало: страх перед окружающей неизвестностью или желание быть частью общества. В его голубых глазах читался одновременно и большой ум, и жуткая глупость. Для десятилетнего возраста он был достаточно высоким и худым. И если бы не болезнь, он наверно мог бы быть классным парнем.

Меня поражало, как женщины умеют находить темы для общения. И желание. Я не любил говорить, поэтому держался от всех подальше. Кирилл не любил настолько, что не мог говорить. Люся уже могла, но никто не хотел, чтобы она болтала, поэтому ее отправляли по заданиям: найти самую красивую палку, побежать посмотреть, что за углом, передать вон той тете, какая она красивая и т. д. Разговаривала прежде всего Зоя. Причем было понятно, что темы для общения она вынашивала в течение дня. Людмила Петровна была ценным носителем жизненного опыта, поэтому было полезно правильно подбирать вопросы. Сестра не была болтухой, она была охотницей за житейской мудростью.

Она шла, засунув руки в карманы пуховика, и впериwв взор на тропинку, говорила и думала, думала и говорила. Мать, уже начинавшая уступать Зое в росте, но выглядящая внушительнее за счёт огромной бобровой шапки, слегка задыхалась под тяжёлой шубой от резвого шага молодежи, но отвечала всё так же вдумчиво и с заботой. Мы знали, что добрее человека, чем она, вряд ли можно было сыскать на планете. Но это делало нас менее счастливыми, потому что каждый день проходил в страхе ее обидеть, и оттого заставляло чуть меньше ее любить. Хотя в этом мы ни за что не признались бы даже сами себе.

На входе в подъезд я придержал всем двери и, уллучив секунду, когда Людмила Петровна всех пропустит и будет проходить мимо, позволил себе шепнуть:

– Я больше не буду драться, Людмила Петровна.

Она остановилась напротив меня и с любовью сказала:

– Ты хороший мальчик, Раульчик, но ты совсем не думаешь о Кирилле.

И, обнимая, укутала меня с головой в коему своего воротника. От этого настолько зачесался нос, что я сразу забыл про ее слова и их непонятный смысл. Она же прекрасно знала от Зои, что отбивая Кирилла от его вечных преследователей, я и порвал штаны! И как измазал куртку в саже на прошлой неделе, и трижды за месяц отрывал пуговицы на рубашке! Ведь всё ради Кирилла!

Я всё понял только через некоторое время. После слов Лехи.

«Раульджан, изрядно же ты поработал над моими шмотками».

3.

Суббота – скучнейший день для ребенка. По телевизору – пустота крошечная. А ситуация ещё и усугубляется тем, что родители дома, и что-либо посмотреть не получилось бы ни при каких обстоятельствах.

Но праздник – это дело другое. В праздник все чем-то увлечены.

Людмила Петровна и Зоя, напомаженные и нарумяненные, хлопотали на кухне, периодически радуя стол новыми яствами и удручая нас новыми заманчивыми запахами. Начинать пока что было запрещено, поэтому мы коротали время за играми. Я учил Люсю играть в кости на шалапеты. Леха и Старик, разместившись на ковре рядом с нами, сражались на полях шахматной доски, а Кирилл внимательно следил за ходом их мыслей.

– Маленький шых, – говорил Леха, грациозно выводя ферзя на четвертом ходу.

– Не маленький, а петюнчиковый... – парировал Старик, отгораживаясь пешкой.

– Пэучыковы, – вторил Кирилл и закатывался беззвучным смехом.

– Ну всё, пощады не ждите, – отвечал сразу обоим Леха.

– Раульджан, ты то когда на новый уровень перейдешь? – спустя несколько сбитых фигур обратился ко мне старший брат.

– Наверно, одновременно с Люсей. А до шахмат кто-то должен ее научить нормально считать, – сказал я, подставляя ей лоб после выпавших ей двух шестёрок. – Вроде даже не так долго и осталось.

– Басай, унник! – довольная своей маленькой победой, поторапливала Люся.

От ее реплики по привычке пронеслось массовое улыбаение.

– А чего Старик не учит? – всё ещё обращался Леха ко мне.

– Да куда ему до таких подвигов. Он уже на ровном месте падает! – ответил я.

– Во-первых, на слишком ровном и слишком скользком месте, а, во-вторых, сейчас кто-то договорится и со мной будет играть в кости, – с заговорщической ухмылкой сказал Старик, втемляшивая мне в лоб зубодробительный шелбан.

– Что за история? – чуть ли не облизываясь в предвкушении крутой байки, спросил Леха.

– Да он тут с Люди на днях греко-римской борьбой решил позаниматься, – ответил я, улыбаясь и потирая черепушку. Зоя, находившаяся в этот момент в комнате и невольно подслушивающая, прыснула со смеху.

– Что за идиотская кличка? Додумались же. Поверьте, если он бомж, то ему безразлично абсолютно всё в жизни, и уж точно ему не обидно, когда его называют Люди. Нужно чувствовать себя Нелюдем, чтобы обижаться на Люди, понимаете? В сотый раз! Бестолковые! – завелась Людмила Петровна, подслушав наш разговор, расставляя приборы на столе.

– Ого, Люди живой ещё? Ему в моем детстве под сто было. Так а что за борьба? – Леха распалялся.

– Пару дней назад Люди тащил свою тележку под домом, – продолжила за меня Зоя, с каждым словом ускоряясь, чтобы успеть договорить до того, как это перестанет получаться из-за прилива смеха, – а папа как раз из магазина шел. Люди поскользнулся и грохнулся на лед,

а папа хотел его поднять, сам упал, ногу потянул и лежит от боли корчится. А Люди встал и дальше со своей тележкой поперся, как ни в чем не бывало.

Молодежь залилась истерическим хохотом. Даже Старик подхихикнул.

– Так, доча, а ну неси сюда свой лоб! – демонстративно отгибая средний палец чуть ли не до запястья, сказал он.

– Ладно, у меня только котлеты остались, доходят. Садитесь, а то без меня всё высмеете, – уже позабыв свое негодование, сказала легко отходящая мать.

Детвора моментально высыпала на хаотично расставленных вдоль стола табуретках, борясь друг с другом за места. Леха сел на стул с высокой спинкой из нашей комнаты, за которым Старик чертил. Родители разместились на диване. Люся, в силу своей малenessи, заслужившая право сидеть на самом неказистом табурете, недолго думая, перепрыгнула к матери на колени.

– Ну что, по пиву или по водочке? – спросила Людмила Петровна, заранее зная ответ.

Хор вторил ей:

– Пиво без водки, деньги на ветер.

– И почему я не удивлена, – заключила она. – А я, пожалуй, пива попыю. Вкусное, Лёш?

– Да, самое хорошее взял. Не то, что в детстве правда, конечно, – сказал Леха, ухмыляясь.

– Так, в каком ещё детстве? – деланно возмутилась учительница младших классов с более чем сорокалетним стажем.

– Получается, тост?! – поднявшись, проговорил отец, пока мать ещё не успела разозлиться в действительности. – Ну, за любовь!

И затажно чмокнул супругу в красные-красные губы, предварительно обняв за талию. До того, как повернуться лицом к маленьким издевателям, следящим за каждым его действием, предусмотрительно вытер следы дешёвой помады, выпил, запил, занюхал, заел.

Все погрузились в свои тарелки. Только Людмила Петровна прежде чем сделать глоток, улыбаясь, несколько секунд смотрела на стакан, будто бы с удовольствием ожидая, пока на поверхность повсплывает как можно больше пузырьков.

– Пойду проведаю котлеты, – сказала она и вышла из гостиной.

Леха, не переводя лица с жаркого, слегка подвинул костяшками пальцев свое пиво в мою сторону. Условный сигнал недолго шел до получателя. Я затанулся прекрасным насыщенным вкусом хмеля, а в нос, портя общие впечатления, ударил запах водки и селёдки, обосновавшийся на горлышке. Позволив себе сделать два глотка вместо привычного одного, тринадцать лет уже как-никак, с благодарным тройным причмокиванием я вернул наполовину полную тару на базу.

Все учтиво сделали вид, что ничего не видели и не слышали.

– Ну как там Петросов? Не гонят? – спросил отец, откладывая приборы.

Рано или поздно речь должна была дойти до заводских дел. Вопросы завода всегда делали Старика немного фамильярным и важным. Несмотря на вот уже как три года пенсии, он представлял себя частью коллектива и заочно принимал значимые руководящие решения, будто он всё ещё главный конструктор.

– Саныч-то? Да не, нормальный мужик. Работать заставляет, но и сам до последнего сидит, – ответил Леха.

– Смотри, а то если берега попутает, быстро его осадим.

– Да не, нормальный.

Опять ненадолго воцарилось лязгание приборов.

– Мария Анатольевна на пенсию вышла, – некоторое время спустя вернулся к теме брат.

– Вот же время летит. Я ее подбирал когда-то.

– Да знаю, поэтому и говорю.

Снова квашеная капуста, оливье и пиво.

– Борисыч сегодня звонил, поздравлял. На день машиниста звал.

– Нормальный мужик.

– Конечно, нормальный! Если бы другой директор, уже давно по миру бы пустили завод. Хотя и пустят. Пацана этого сверху кто-то на мое место, на главного конструктора посадил, скоро и на место Борисыча посадят.

– Да я не лезу как-то.

– В курсе, пацан-то тридцать второй цех посокращал, компьютерами там всё позаставил на деньги из зарплатного фонда, и теперь в интернете там чертят всё. И что? Много начертили? Дети! Борисыч-то хоть не дурак, заказывает у меня, подрисовываю ему. На днях вот подкинул мне немного за пару эскизов.

– Нормальный мужик.

– Конечно, нормальный.

Даже Лехе, неотъемлемому участнику заводской жизни, прислушивали разговоры про заводскую жизнь. А что говорить про остальных? Один я, немного прибалдевший от выпитого, сидел и с непонятным для самого себя оживлением, то проникался к неизвестным мне Санычу, Марии Анатольевне и Борисычу, то представлял себе, как отвечаю тумачам встретившемуся мне на улице Пацану в очках и с компьютерным монитором подмышкой.

Под эти до ужаса интересные истории Зоя тайком вывела Люсю из комнаты. После никем не замеченных из мужчин нескольких минут перешептываний, из коридора раздался звук женского пения: более низкому взрослому голосу вторил молодой колокольный звон, и всё это разбавлялось радостными не попадающими в ритм комариными «пи-пи-пи-ля-ля-ля-ля-ля». На подол ковра в бумажных голубых коронах вышел творческий коллектив «Молодушки» с песней «Три коня» и танцем «Маленькая принцесса-пони».

Таков был подарок Старiku. Раздобревший от выпитого, он и думать забыл про ещё недавно так интриговавшие его мысли о прошлом, и под первые звуки песни уже дожидался исполнительниц на импровизированном танцполе. Дождавшись, пока принцесса-пони исполнит заранее заготовленные па, он подхватил ее на руки и, слегка пошатываясь, продолжил танцевальный аккомпанемент.

Натанцевавшись и напевшись, все четверо плюхнулись на свои места, разгоряченные и счастливые.

– Так а твой подарок, Старик? – спросил Леха.

– Да откуда ж у меня может быть подарок? Этих ж вон двоих оболтусов не заставишь петь, а один я не умею. Поэтому все вопросы к ним! – ответил Старик, давно привыкший и нисколько не обижающийся на «Старика».

А пока говорил, вытаскивал что-то из-за дивана.

– Повезло вот, что утром конверт с деньгами нашел. Вот пусть и будет подарком! – и передал Людмиле Петровне коробку конфет, сопроводив ее поцелуем, уже не обращая внимания на густые оттиски помады на своем лице.

Людмила Петровна, слегка задышавшись от пляски, раскрыла подарок, вытащила из него вложение в виде двух тысяч рублей, спрятала деньги в карман и со словами: «ребята, уни-чтожьте, пожалуйста, конверт», отдала коробку нам. И мы, долго не думая, хищной стаей растащили по щекам все конфеты, оставив благодарность в виде двух последних штук в качестве чаевых итоговому утилизатору упаковки, Кириллу, всегда в таких ситуациях поздно схватывающему, что от него требовалось.

Дальше время понеслось. Даже постоянные вбросы в разговор стариковских историй из заводского прошлого уже не мешали общему счастью, а иногда и подогревали его доброй самоиронией. Старик всегда пересказывал одни и те же случаи, но его редкой способностью было делать это каждый раз так, как в первый. Мать всё время весело его осаждала: «Да хватит уже про твой завод», но это только разжигало в нем новый задор.

Иногда проскакивающие паузы Людмила Петровна упорно использовала в целях вывести у Лехи, есть ли у него девушка. А брат каждый раз отшучивался: «Каждый раз по-всякому»».

Мы с молодежью внимательно следили за его повадками и словами, делая каждый свои выводы. Зоя рисовала в своей голове картину с девушкой, которая могла бы быть его старой школьной подругой, которую он защищал и был долго безответно влюблен. Я пытался понять, почему он такой умный, но работает у станка, а не как отец – конструктором? Кирилл сидел с открытым ртом, всегда готовым выпустить гогот. Люся боролась с накатами сна, отражая его нападки поглощением котлет и компота. Было уже почти десять.

– Мне ж тут от Борисыча перепало недавно. Ну что, Лех, рванем за щукой тогда может завтра, отметим? Поедешь со мной? – ни с того, ни с сего породил мысль Старик.

– Как в старые добрые? Можно! Правда сегодня ещё с ребятами встретиться хотел. Но я немного тогда.

– Так давайте все вместе поедем? – как бы шокированная простотой и безвариативностью своей идеи предложила Людмила Петровна.

– Да, давайте, у меня флажков на всех хватит. Хорошая идея!

– Чур Кирилл не у меня на коленях! Я забил! – каким-то чудом опередил я Зою.

– Чур я Люсю! – не спеша, с расстановкой произнесла Зоя, гордая своим интеллектуальным превосходством.

Как-то я и не подумал, что если не я Кирилла, а Зоя Люсю, значит Леха Кирилла, а значит я Кирилла.

– Рауль, Кирилл на тебе поедет, даже не думай, – расставила все точки Людмила Петровна.

– Ну блин, как всегда, – немного даже посмеиваясь в душе от своего прокола, сказал я.

На этой ноте решили расход. Мужчины выпили ещё по гремучему коктейлю, и вся орава двинулась к прихожей, продолжая обсуждать условия завтрашнего мероприятия. Людмила Петровна, попрощалась ещё за столом, и выходя в общей массе, повернула в комнату, держа дремлющую Люсю на руках.

Окончательно распрощаться удалось только спустя полчаса, потому что Лехиных ботинок на входе не оказалось. А оказались они на нижней полке холодильника. Это малышка так не хотела прощаться.

4.

Утром же Люся разбудила меня и Кирилла весёлым возгласом:

– Мальциски, пола лыбацить!

Старик явно был недоволен своим похмельем и нерассудительно допущенным пьяным обещанием. Оказывается, проводя сборы, он пару раз уже заходил в нашу комнату за катушками для спиннинга, но тишайшим образом, дабы не разбудить нас. Не потому, что ценил наш сон, а потому что хотел смыться один. Нас провести получилось, но не маленькую рыбачку.

– Папа, мы узе едем?

В итоге мы быстро оделись во что попало под руку, после этого трижды переоделись в вещи, устраивающие Людмилу Петровну, и уже снова дрыхли, только в сидячем положении в машине. Мать с нами не поехала, будто что-то зная. Леха утром позвонил и сказал, что у него появились срочные планы и приехать он не сможет, что ещё более иронично отразилось на мироощущении отца. Я любил брата больше всех, но его отказу огорчился менее остальных, так как это позволило провести приятную рокировку.

Теперь Люся сладко спала на руках у Зои, Кирилл был удостоен возможности расположиться на чем-то более приятном, чем костлявые подростковые коленки, а я царствовал на

троне переднего пассажирского сидения. Наша старушка – старая красная тройка, порывкая как львица, лёгким речитативом напевала своим львьятам мотив колыбельной.

Засыпая, мы даже не представляли, что такое зимняя рыбалка. Мы мыслили эмоциями и воспоминаниями о летних поездках на озеро, о шашлыках на костре, купаниях и догонялках по полю, свежему ночному воздуху палатки и вкусному горькому чаю из черного-пречерного чайника.

На деле всё разительно отличалось от наших фантазий. Не успел Старик пройти три шага по льду, с трудом маневрируя на скользкой поверхности с пятью чемоданами в руках, как Люся с берега заявила:

– Папа, тут холоднааа!

Отец, не оборачиваясь, выдержав паузу, как будто проговаривая вероятные ответы сперва в своей голове, крикнул:

– А ты побегай.

Лёд слегка похрустывал под нами, но Старик заверил, что всё это «мелочи жизни». Однако Кирилл его слова видимо не очень воодушевляли, потому что он продолжал двигаться походкой горбатого тарантула.

Дойдя до с виду ничем не примечательного места, но «проверено уловистого», отец пробурил нам по проруби, объяснил что да как и ушел в непонятном направлении, оставив нас с Кириллом с какими-то недоудочками в руках сидеть и мерзнуть. Люся прислушалась к предложению отца и носилась по льду то к нам, то к нему, то наоборот. Зря он дал ей такой совет: после часа таких побегушек ее моторчик может попросить теплую постельку и вкусную кашу.

Мы сидели и наблюдали за странными играми Старика в космонавта – так он пробурировал дырки во льду, неизменно помечая их флажками, загнутыми вниз. Клёва не было от слова совсем. Люся, которой уже поднадоело бегать, решила развлечься бурением нас:

– Ну что, мога помали? А папа узе мога поймал. У нео селое видло.

И действительно, закончив свою космическую программу, отец вернулся к нам с ведром без крышки, полным маленьких карасей.

– Рауль, пробегись-ка, поищи крышку по лункам.

Ни пожалуйста, ни большое пожалуйста... Зазнался со своими карасятами!

Пока я искал злосчастную крышку, он уже оприходовал мое «проверенно уловистое» место и мне после первой выполненной ненавистой задачи ещё и пришлось учиться использовать бур, чтобы не остаться без рыбы. А дело, кстати, не такое уж и простое, если бур длиннее тебя.

Следующий час был полон психологического давления, оказываемого четырьмя детьми на явно не заслужившего такого отношения родителя. При этом зная, что его позиция справедлива, он не сильно то и поддавался на наши провокации, ставившие перед собой одну цель – «поехать уже». Не помогали ни якобы не сделанные уроки, ни «каса стынит», ни изображающие всяческие страдания ясные глаза Кирилла.

Между тем время шло, Старик был непоколебим в своем упорстве остаться, мы – в своей настойчивости уехать, флажки – в своей незыблемости.

Занятые своим нравственным противостоянием мы не заметили, как Кирилл выбыл из соревнования на кто кого добьет, и отчего-то увлекся своей лункой. И тут удилище его заметно для всех погнулось, он в растерянности подскочил, взглядом моля о помощи, начал пятиться назад, что было ещё одной ошибкой отца за день, необъяснившего как пользоваться катушкой, издавая протяжное «А» и «Э». Когда мы поняли, что происходит, брат уже был в десяти метрах от лунки, а на льду рядом с ней барахталась огромная рыба, с целых две взрослые ладони. Окуняра!

– Ну вот, теперь можно и собираться домой, – ехидно сказал Старик.

– Да ладно, что там дома делать! – хором ответили мы.

Старик кинул Кириллов трофей к карасикам, предназначение которых нам уже было известно. И, таким образом, счёт был размочен, 1-0-0-0. Наша юная болельщица теперь тоже нашла свой интерес. Ее главным занятием стало наблюдение за тем, съест ли в ведре большая рыба маленькую.

– Рауль, сходи в машину, возьми в бардачке бутерброды и термос.

Вот теперь жизнь окончательно налаживалась.

До того момента, пока я не вышел на берег.

Тогда-то за моей спиной поднялись страшные крики, и я увидел, как вся толпа оголтело ринулась в противоположном от меня направлении. К одному из флажков! Стоячему!!!

Кирилл обогнал всех на добрых тридцать шагов. Отец кричал ему:

– Тащиини!!! Как-как? Да так же тащи!!!

И Кирилл потащил. И когда остальные были уже у лунки, из нее показалась страшная щучья морда. Старик быстро выхватил ее за жабры и отдал в руки Кириллу, пребывающему в явно противоборствующих чувствах страха и гордости. Дура была в половину него размером, килограмма четыре уж точно. Я с неподдельной грустью наблюдал за картиной событий, держа в руках вместо шуки проклятые бутерброды с термосом.

Через час бесплодных попыток догнать Кирилла в общем зачёте мы сели в машину и уже держали путь домой, в целом довольные поездкой, но в глубине души зарекшиеся никогда ее не повторять. Я посадил Кирилла вперёд, он действительно это заслужил, поэтому в отличие от малышки, моментально вырубившейся у меня на коленях, Кирилл не спал, он был добытчиком, настоящим мужчиной. Мы с Зоей смотрели каждый в своё окно, думая о том, о сем. Отец, довольный поездкой, всю дорогу причитал, обращаясь к Кириллу: что-то вроде «и всё-таки хорошо съездили», «вот мать-то обалдеет», «эх, жарёха какая будет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.